

Н. Н. Болдырев

КОГНИТИВНАЯ СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЗНАНИЙ¹

Современный этап развития лингвистической теории в немалой степени связан с изучением познавательной функции языка во всех ее проявлениях. Это определило потребность в разработке многоуровневой теории значения – когнитивной семантики, и обращение к тем структурам знания и познавательным процессам, которые лежат в основе формирования языковых значений, т.е. выход за рамки собственно языковой системы в поиске адекватного объяснения многих языковых явлений и функций.

Формирование языкового значения напрямую связано и определяется тем, как представлено в слове то или иное концептуальное содержание и с какой конкретной категорией оно соотносено, т.е. процессами концептуализации и категоризации. В основе вербальной коммуникации – основного предназначения языка – лежит концептуальное взаимодействие, т.е. взаимная активация соответствующих структур знания между коммуникантами, обмен единицами знания в виде сформированных на основе различных типов знания смыслов. Как когнитивная способность и неотъемлемая часть инфраструктуры мозга язык и нужен человеку для того, чтобы обеспечивать любые операции со знанием с целью его последующей передачи (или активации в сознании адресата) в процессах коммуникации: хранение и репрезентация знания, его интерпретация и порождение нового знания, формирование на его основе конкретных смыслов. Для этого язык использует разные категориальные системы, передающие опыт взаимодействия с миром и оперирования знанием о нем.

Несмотря на то, что знания о мире специфичны у каждого человека, основные познавательные процессы **концептуализации** (осмысления и закрепления результатов познания в виде единиц знания – концептов) и **категоризации** (отнесение их к определенным рубрикам опыта – категориям) обнаруживают общие закономерности. Эти закономерности находят свое отражение в языке в виде **трех систем языковой категоризации**: лексической, грам-

матической и модусной, или интерпретирующей (подробнее см.: [Болдырев 2006, 2009]).

В определенной мере вышеназванные системы категоризации мира в языке отражают этапы познания мира и одновременно – этапы формирования концептуальной системы человека на основе чувственного восприятия мира, абстрактного мышления и речемыслительной деятельности, результаты которой и закрепляются в трех типах, или системах языковой категоризации. **Лексические категории** репрезентируют наше знание мира как таковое. **Грамматические категории** определяют то, как это знание репрезентируется в языке и схематизируется в соответствии с правилами и принципами вербальной коммуникации. **Модусные категории** передают способы интерпретации этого знания отдельными носителями языка.

Интерпретация является неотъемлемым свойством человеческого сознания и познавательных процессов, в частности. В онтологической триаде "система мира – система языка – концептуальная система человека" она связана именно с человеком, его восприятием и оценкой системы мира и системы языка и находит непосредственное отражение на системном и функциональном уровнях. Анализ данной функции как когнитивно-языковой деятельности на примере концепта и категории отрицания и является целью настоящей статьи.

Понятие интерпретации может иметь **широкое и узкое толкования**. В широком смысле этого слова интерпретация понимается как практически любая мыслительная операция, направленная на получение нового знания коллективного или индивидуального уровня. Различные функции человеческого мышления (схематизация, классификация, категоризация, генерализация, конкретизация и т.д.) – суть интерпретации. **Интерпретация** в узком ее понимании – **это языковая познавательная активность преимущественно отдельного индивида, раскрывающая в своих результатах его субъективное понимание объекта интерпретации**. Именно в этом смысле интерпретация рассматривается в данной работе.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 10-04-00196а и Федеральной целевой программы "Научные и научно-педагогические кадры инновационной России".

Чтобы лучше понять **сущность интерпретации** как познавательной активности, необходимо, на наш взгляд, обратиться к двум ее важнейшим характеристикам. Первая была обоснована в рамках теории интерпретации языковых высказываний и текстов (подробнее см.: [Демьянков 1985]). Она заключается в том, что **интерпретация опирается на схемы знаний: фреймы, скрипты, когнитивные модели и т.д., и потому непосредственно связана с познанием (когницией)**. "Понятие языковой когниции совпадает с тем, что в последние годы, в рамках интерпретационизма, называют интерпретацией в широком смысле, охватывающей фактически все действия над языком, когда для этих действий появляется повод – речь. Если эту речь нужно продуцировать, внутренний мир интерпретируется в виде речи. Когда же речь задана как объект восприятия – интерпретируется она" [Демьянков 1994: 30]. При этом важно подчеркнуть, что интерпретация как процесс вторичного познания избирает своим объектом не сам объективный мир, а знания о мире, то как он репрезентирован в коллективном сознании, т.е. то, что Р.Джэкендофф называл проецированным миром: "projected world", "experienced world", "phenomenal world" [Jackendoff 1995: 28], а Ж.Фоконье – пресструктурированной фоновой схемой знания: "available prestructured background schemas" [Fauconnier 1994].

Вторая отличительная характеристика интерпретации заключается в ее субъективности, т.е. непосредственной зависимости от **индивидуальной концептуальной системы человека**. Это обусловлено тем, что вторичное осмысление неразрывно связано с индивидуальностью и психическим состоянием человека, с тем, что А.Н.Леонтьев называл обретением значений для себя, их связыванием с реальной жизнью и мотивами конкретного человека, его личностным смыслом. Обсуждая проблемы формирования сознания с точки зрения психологии, он различал первичное (понятийное) осмысление, ведущее к формированию значений, которые репрезентируют опыт всего человечества, и вторичное (субъективное) осмысление как обретение значений для себя, ведущее к формированию личностного смысла [Леонтьев 2000: 100-104].

Если попытаться и сформулировать определение интерпретирующей функции сознания с учетом вышеназванных особенностей, то оно будет звучать следующим образом. **Интерпретация** – это процесс и результаты субъективного понимания и объяснения человеком мира и

себя в этом мире, процесс и результат субъективной репрезентации мира, основанной, с одной стороны, на существующих общечеловеческих представлениях о мире и, с другой стороны, на его личном опыте взаимодействия с ним. Это – проекция мира, или мир, "погруженный" в индивидуальное сознание человека.

С точки зрения психологов, "переработка информации становится познанием, т.е. приобретает смысл репрезентации окружающего мира, в той степени, в какой когнитивная система включена в мир и развивается в этом мире". Более того, "когнитивная деятельность не является беспредпосылочной. Ее адекватность предполагает наличие предданной "гипотезы" об устройстве мира, заранее сформированной готовности действовать в определенном направлении для решения возникших перед когнитивной системой задач. Без таких гипотез и готовности или в случае их неадекватности задача познания окружающего мира становится неразрешимой для когнитивной системы" [Ушаков 2009: 6-8].

Приведенное выше определение интерпретации возвращает нас к общей проблеме взаимодействия коллективного и индивидуального знания, которая так или иначе возникает перед исследователем в процессе описания модусных концептов и категорий в языке, и заставляет обратить внимание на новый аспект этого взаимодействия. Дело в том, что языковая познавательная активность, и интерпретация в том числе, также может быть охарактеризована с двух взаимосвязанных сторон: **статической и динамической**.

В **статическом аспекте** она характеризуется своими результатами в виде системы когнитивных структур, т.е. результатами языковой концептуализации и категоризации мира – системой концептов и категорий. Они представлены в системе языка тремя типами языковых категорий, которые упоминались выше.

Процессы концептуализации и категоризации средствами языка формируют **динамический аспект** языковой познавательной активности, неотъемлемой частью которой является языковая интерпретация (подробнее см.: [Болдырев 2009; 2010; 2011]). Динамические познавательные процессы имеют целью соотношение объектов и событий с конкретными категориями и, в конечном итоге, присвоение им соответствующих названий, которые в составе синтаксических структур передают необходимое знание адресату (или активизируют его в сознании адресата). В рамках индивидуальной концеп-

туальной системы это знание интерпретируется в соответствии с коллективным и индивидуальным представлениями о системе норм, идеалов, стереотипов, оценок и т.д.

Иначе говоря, изучение языковой интерпретации, так или иначе, связано с учетом взаимодействия коллективного и индивидуального знания в процессах концептуализации и категоризации мира и языковой репрезентации полученных знаний. Язык – коллективный продукт, но он и индивидуален, поскольку распределен в сознании множества говорящих на данном языке. Следовательно, индивидуальное знание можно рассматривать как *индивидуальность его конфигурации в плане объема, содержания и интерпретации по отношению к коллективному знанию*. Из данного определения следует, что **языковая интерпретация может проявляться в трех основных типах**, которые реализуют соответственно **три ее главных функции**: селекции, классификации и оценки.

Первая, селективная функция способствует концептуализации окружающего мира и проявляется в языковых обозначениях соответствующих концептов. Этот тип языковой интерпретации представляет собой *часть физического познания мира*, которое приводит к образованию индивидуальных концептуальных систем. Последние различаются по структуре и содержанию способами выборочной (селективной) репрезентации мира. Очевидно, что концептуальная система отдельного человека включает основные характеристики окружающей его природной и социальной среды, его образа и уровня жизни. Ее формирование не может не зависеть во многом от времени и места проживания, исторической эпохи, социального статуса человека и его взаимоотношений с другими людьми, семейных связей, пола, возраста, уровня образования, профессиональных интересов и личных пристрастий. Прибегая к известным терминам, индивидуальную концептуальную систему человека можно образно представить как концептуальный профиль, основанием для которого является общее коллективное знание о мире, т.е. как особый способ конфигурации, или профилирования всего возможного знания о мире.

Обычный фермер, например, может хорошо знать свое дело. Его концептуальная система, в основном, охватывает понятия, связанные с сельскохозяйственной деятельностью и домашним бытом, такие как: ЗЕМЛЕДЕЛИЕ, ЖИВОТНОВОДСТВО, СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ

ТЕХНИКА, РЫНОК, ЗАКУПКИ, ПОГОДНЫЕ УСЛОВИЯ, ЦЕНЫ, ДОМАШНЕЕ ХОЗЯЙСТВО, СЕМЬЯ, ПРАЗДНИКИ, ТЕЛЕВИДЕНИЕ и т.д. В сравнении с университетским преподавателем он может иметь слабое представление (или не иметь никакого представления) о современных направлениях в искусстве, музыке, литературе, научных исследованиях, методах обучения, медицине или международном положении.

Напротив, даже хороший преподаватель университета может иметь весьма поверхностные знания о сельскохозяйственном производстве. Его концептуальная система в большей степени включает такие понятия, как: МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ, ВОСПИТАНИЕ, ОПРЕДЕЛЕННАЯ ОБЛАСТЬ ЗНАНИЯ (например, математика или другая дисциплина), ИСКУССТВО, ЛИТЕРАТУРА, СПОРТ, СЕМЬЯ, ДРУЗЬЯ, ПРАЗДНИКИ, ПУТЕШЕСТВИЕ, ИНТЕРНЕТ и т.д.

Можно сказать, что концептуальная система отдельного человека индивидуально ориентирована и служит скорее как система преимущественно неязыковой ориентации в мире, в котором он живет. Собственно языковая интерпретация внутри этой системы сводится, прежде всего, к обозначению вещей и событий окружающего мира. В то же время эти средства обозначения реалий и понятий (особенно сленг или профессиональный жаргон) также маркируют отличия концептуальных систем разных людей. Хорошей иллюстрацией к сказанному служит эпизод из известного фильма "Полосатый рейс", в котором повар хочет вернуться в Россию и, чтобы получить место на корабле, везущем в Россию тигров, называет себя укротителем. Однажды по просьбе команды он читает лекцию о тигре и показывает собственноручно выполненный рисунок "Тигр в разрезе". При этом, называя части тигра, он использует лексику повара или рубщика мяса: *кострец, подбёдрок, грудинка, огузок, окорок, гольё, ливер, вымя* и т.д., т.е. дает сведения о тигре с позиций собственной концептуальной системы, отличающей повара, а не укротителя.

Вторая, классифицирующая функция связана с классификацией объектов и формированием абстрактных понятий и имен для создаваемых классификаций. Соответствующий тип языковой интерпретации можно считать частью **ментального познания мира** (т.е. освоения знаний о мире), имеющего отношение к вторичной концептуализации и вторичной категоризации. Классифицирующая интерпре-

тация использует язык не только для обобщений и создания абстрактных понятий, но и для обозначения ментальных действий и состояний, чувств, эмоций. Она приводит к формированию внутреннего мира человека, включая воображаемые миры, объекты, события, осознание наличия других концептуальных систем и их возможных отличий.

Концептуализируя и категоризируя сходные и отличительные характеристики естественных категорий и их взаимодействие, человек формирует абстрактные понятия и категории, типа: "млекопитающие", "природные ресурсы", "интеллектуальные способности", "образование", "область знания" и т.д. Интерпретируя коллективное знание о мире, говорящие на разных языках различают: свое и чужое, опасное и безопасное окружение, полезные и вредные объекты и явления.

Третий тип и соответствующая (оценивающая) функция обеспечивают особый, свойственный именно человеку, стиль языковой интерпретации знания – оценочную интерпретацию, т.е. оценочную концептуализацию и оценочную категоризацию. Данный тип языковой интерпретации предполагает схематизацию опыта (объектов и событий) в соответствии с коллективной и индивидуальной системами норм, идеалов, стереотипов, ценностей, на основе определенных оценочных шкал, принятых в рамках той или иной культуры. Это – исключительно языковая система межличностной ориентации в мире, коллективно-индивидуальная модель взаимоотношений.

Оценивая объекты и события, человек строит оценочные суждения, основываясь на коллективных и личных схемах, которые имеют языковую природу и репрезентацию, таких как: *хорошо – плохо; красивый – обыкновенный; привлекательный – отвратительный, приятный – неприятный; приличный – неприличный; престижный – непрестижный; умный – глупый; интересный, волнующий, захватывающий – скучный, утомительный* и т.д.

Анализ специфики интерпретирующей функции человеческого сознания приводит, по меньшей мере, к трем **выводам**, существенным с точки зрения исследования специфики языковой интерпретации. Эти выводы можно сформулировать следующим образом. **Интерпретация как когнитивная активность:** 1) структурирована, 2) опирается на существующие коллективные схемы знаний и 3) ориентирована на концептуальную систему индивида, т.е. индивидуальна, субъективна.

Первый вывод основывается на установленной выше взаимосвязи интерпретации с процессами познания (когницией). Поскольку "когниция в высшей степени структурирована" [Демьянков 1994: 24], то, следовательно, структурирована и функция интерпретации. Более того, структурированность когнитивной деятельности субъекта познания является одним из ведущих принципов конфигурации знаний (подробнее см.: [Болдырев, Магировская 2009]). Это подтверждается также отдельной представленностью в языке различных функциональных координат субъекта познания: субъект эмпирического познания, субъект понятийного осмысления и субъект вторичного осмысления (см.: [Магировская 2008]).

Второй и третий выводы следуют из самой роли и места интерпретации в процессах познания и ее связи с коллективным опытом и личностными характеристиками, системой ценностей индивида, его собственным опытом освоения мира. Хотя речь говорящего и отражает субъективный образ объективного мира и индивидуальную картину мира, подчеркивает Е.С.Кубрякова, все это преломлено через коллективные сведения о мире, уже "пропущенные" через язык [Кубрякова 2009: 10].

Рассмотренная особенность интерпретирующей функции и сделанные выводы непосредственно проецируются на функцию отрицания как иллюстрацию к сказанному выше и, в частности, могут служить объяснением причин различной концептуализации данной функции в языке и специфики языковой категории отрицания.

Категория отрицания, как и другие модусные категории, призвана передавать с помощью языка то, как говорящий интерпретирует свои отношения с миром вещей, событий и другими представителями живой природы, различные взаимосвязи между событиями и/или объектами и/или их характеристиками, а также свое личное отношение к ним. Все эти виды интерпретации, основанные на различном взаимодействии интерпретирующих функций и типов знания (коллективное vs индивидуальное), связаны с различными типами объектов и их взаимосвязей и, соответственно, предполагают многообразие передаваемых смыслов. Следовательно, и функция отрицания конкретизируется в каждом отдельном случае в зависимости от типов интерпретируемых объектов, событий и отношений между ними.

Функция отрицания в этом плане следует общим законам структурирования мира в про-

цессе его познания, выделяя объекты, события и их характеристики, классифицируя их и устанавливая определенные взаимосвязи между ними в сознании человека. Само название данной функции, ее ориентация на имеющиеся схемы знаний, которые типизируют объекты мира и их взаимосвязи, т.е. общее устройство мира, задают и характер интерпретации: **наличие или отсутствие** объектов, событий, признаков, их **соответствие или несоответствие** имеющимся представлениям и нормам, **интерпретация речевых и неречевых действий** (отказ, несогласие, опровержение, запрет, инструкция, указание, предписание и т.д.). Отсутствие того или иного признака или его несоответствие также могут интерпретироваться как **отрицательная характеристика**, или оценка.

Структурированность самой функции отрицания определяет характер ее концептуализации и, следовательно, выступает в качестве когнитивной схемы, структурирующей содержание соответствующего концепта, т.е. обуславливает его структуру. Типизируя различные функциональные возможности отрицания в плане интерпретации результатов познания мира и его общего устройства, можно предположить, что структура концепта ОТРИЦАНИЕ включает такие **основные характеристики**, как: **отсутствие, несоответствие, отрицательная оценка и отрицательная коммуникативная реакция**.

Концептуальная характеристика "**отсутствии**" репрезентирует такой вид интерпретации, который предполагает отрицание события или наличия объекта в физическом или ментальном пространстве, а также отрицание связи (в целом или ее определенного типа) между объектами или событиями и их признаками. Отрицательная интерпретация принадлежности события, объекта или признака конкретной категории, их тождественности друг другу или определенному образцу концептуализируется как **несоответствие**. **Отрицательная коммуникативная реакция** концептуализирует несовпадение целей или речевых и неречевых намерений коммуникантов. Субъективная интерпретация объекта или события на основе отсутствия у него определенного признака или его несоответствия концептуализируется как **отрицательная оценка**.

В разных языках данная дискретность функции отрицания представлена разными языковыми средствами, но подчиняется общему правилу концептуализации мира в языке. В

соответствии с данным правилом грамматические средства выполняют функцию общего структурирования концептуального содержания, а лексические – его конкретной репрезентации [Talmy 1988]. Применительно к интерпретации в целом и отрицанию, в частности, структурированность функции проявляется именно на уровне содержания.

В качестве общего средства концептуализации и репрезентации функции отрицания разные языки используют, например, отрицательные частицы типа рус. *не* (англ. *no*, *not*, нем. *nicht* и т.д.), которые выполняют роль селективной интерпретации. Например: *У него не квартира, а дом; I have no money/book/courage/idea/way out, etc.; Cash/Cards is/are not accepted in this shop*. Наличие других возможностей передачи отрицательных смыслов и их разнообразие дают основание говорить об асимметричности языковых средств выражения отрицания и, следовательно, о прототипическом принципе организации данной категории. Ее прототипическое ядро образуют вышеназванные частицы вместе с примыкающими к прототипическому ядру другими отрицательными словами, для которых данная функция является первичной, например: предикативные слова (рус. *нет*: *На даче нет газа, воды, света*), отрицательные местоимения и наречия (рус. *никто, никогда, нигде*), парные отрицательные союзы (рус. *ни ... ни*), отрицательные префиксы (рус. *не-*) и т.п.

Все другие используемые средства, для которых передача отрицательных смыслов является вторичной функцией, создают ближнюю и дальнюю периферию категории. Например, концептуальная характеристика **отсутствия** передается лексической семантикой различных частей речи и их грамматических форм (*сирота* – 'отсутствие родителей', *вдова* – 'отсутствие мужа'; *дилетант* – 'отсутствие профессиональных навыков', *голый* – 'отсутствие одежды', *грубый* – 'отсутствие обработки', *бедный* – 'отсутствие средств', *потерять, пропасть, забыть, сломать, исчезнуть, требоваться* – 'отсутствие чего-либо', *провалиться на экзамене, сорвалось что-либо* – 'отсутствие результата'), значением словообразовательных форм (*разъединить, разлюбить, отговорить, проиграть*) и синтаксических конструкций (*Приди он пораньше ...; Какая уж тут любовь; Говоришь, объясняешь, а все – одно и то же; Нам бы ...*), с помощью фразеологии (*остаться у разбитого корыта; носить воду в решете; когда рак на горе свистнет*).

Аналогично, **несоответствие:** *исключение, ошибка, бракованный, фиктивный* – 'несоответствие правилу, стандарту'; *другой, иной, чужак* – 'несоответствие к-л категории'; *ошибаться, опаздывать, подводить, нарушать* – 'несоответствие ожидаемому результату или цели'; *странноватый, толстоватый, угловатый* – 'несоответствие норме, идеалу'; *Будь я на твоём месте...; "Уехал в Петербург, а приехал в Ленинград", "Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича ..."* (Н.В.Гоголь); *Учишь, учишь, а на экзамене - тройка* ('несоответствие ожидаемому результату или цели'); *куда конь с копытом, туда и рак с клешней* и т.д. ('несоответствие возможностей и желаний'); **различные отрицательные коммуникативные реакции:** *возражаю, запрещаю, отказываюсь; Мне бы такую уверенность; Он и работает; Какой там врач; Сейчас все брошу и начну...; Да уж, конечно; Да, ладно; Сейчас, только вот галстук поглажу...; Сиди уж; Занимайся своим делом; Своих забот хватает; Он тебя ценит – Какое тут ценит; оценка: умник, грубиян, зеленый, ветхий, молодой, уставиться, раскормить, объедать; Какой из него писатель; Тоже мне летчик; И еще умным себя считает; Еще один Макаренко нашелся; Уверенность дилетантов – предмет зависти профессионалов.*

При этом оценочные значения также развиваются на базе соответствующих концептуальных характеристик – отсутствия или несоответствия – в результате **концептуальной деривации**, которая лежит в основе формирования многих модусных концептов. Концептуальная деривация в данном случае представляет собой процесс конкретизации предметной отнесенности или способа и характера проявления отрицательной характеристики: ОТСУТСТВИЕ ЕДЫ → КАУЗАЦИЯ ОТСУТСТВИЯ → СТЕПЕНЬ → *объедать*. Примером могут служить также вторичные, оценочные значения прилагательных, ср.: *безголовая селедка, но безголовый* (= 'глупый, тупой, несообразительный') человек.

Прототипический характер структуры рассматриваемой категории иллюстрирует возможность использования различных языковых средств для детальной репрезентации отрицательных способов интерпретации знания: различных частей речи, фразеологии, словообразовательных средств, синтаксических конструкций в их вторичных смыслах. Это приводит к необходимости уточнения общей модели языковой концептуализации, предло-

женной Л.Талми, в соответствии с которой, напомним, грамматика структурирует концептуальное содержание, а лексика репрезентирует его в деталях (см. выше).

В частности, следует подчеркнуть, что детализация знания осуществляется не только на уровне лексики, но и вторично-грамматических смыслов. Иначе говоря, функцию детализации концептуального содержания могут выполнять и грамматические средства, но в их вторичных функциях. При этом тип и функция интерпретации могут меняться: с селективной (*У меня нет выбора*) на классифицирующую (*Я бы предпочел другой выбор*) или оценивающую (*Я бы предпочел более умный выбор*) или оставаться неизменными (*Я бы поехал в Сочи*).

Следует также подчеркнуть, что непрототипические средства отрицания в целом в большей степени демонстрируют референтную зависимость от типа интерпретируемого знания. Поэтому они способны репрезентировать различные типы и функции языковой интерпретации и, соответственно, передавать различные смыслы. Например, прилагательное *безвкусный* в функции классифицирующей интерпретации может передавать смыслы: отсутствие (*безвкусный хлеб*), несоответствие (*безвкусный галстук*), отрицательную коммуникативную реакцию (*Как же, безвкусный!*), а также выполнять оценивающую функцию, передавая аналогичный, оценивающий смысл: *безвкусный человек*.

Различие между двумя типами языковой интерпретации (классифицирующей и оценивающей) можно также проиллюстрировать следующими парами примеров, в которых каждый второй пример демонстрирует отсутствие семантической сочетаемости между составляющими элементами: *Ему не достаёт вкуса - ?Ему не достаёт волос; Безголовый певец - ?Безволосый певец*.

Реализация отрицательных смыслов в речи тоже обнаруживает свою специфику. Эта специфика заключается в том, что на функциональном уровне **репрезентация концепта ОТРИЦАНИЕ в чистом виде не приводит к формированию конкретного смысла**. Отсюда неопределенность семантики таких слов, как *хорошо, плохо, нет* и т.п. Отрицательные формы в высказывании репрезентируют не отдельный концепт, а целую концептуальную структуру. Данная структура представляет собой единство отрицательного смысла как определенной характеристики соответствующего концепта (отсутствие, несоответствие и т.д.) и интерпре-

тируемого концепта или концептуальной структуры (объектов, событий, характеристик), т.е. **матричный концепт**: ОТРИЦАНИЕ + ИНТЕРПРЕТИРУЕМЫЙ КОНЦЕПТ.

Интерпретируемые концепты, как правило, типизируются в виде определенных предметных областей, или областей определения модусных концептов. В их качестве, в частности, могут выступать такие концептуальные области, как: "человек", "природа", "артефакты", "события" (в том числе события внутреннего мира человека), "признаки" и т.п. Конкретный набор подобных областей в единстве с соответствующим модусным концептом и представляет собой, по существу, концептуальную структуру в виде матрицы, или когнитивную матрицу (о когнитивной матрице и концептах матричного типа подробнее см.: [Болдырев 2009]). По существу, выделение областей определения модусного концепта также основывается на схематизации опыта, о которой речь шла выше, а сам набор этих областей в составе когнитивной матрицы представляет собой конкретную когнитивную схему.

Другими словами, модусные концепты не существуют отдельно от концептуальных областей их определения, представляя вместе с ними единое знание. Это обуславливает структуру и содержание соответствующей категории, которая сама предстает как особый, **категориально-матричный формат знания** и может обнаруживать многофокусный принцип организации, объединяя разноуровневые средства репрезентации матричного концепта.

Матричный характер передаваемого концепта подтверждает вторичность модусных концептов и категорий и их зависимость от области определения. Данная область в качестве когнитивного контекста может обуславливать формирование и передачу разных смыслов, как, например, в случае с прилагательным *безвкусный*: *безвкусная еда* ('не имеет вкуса'), *безвкусная картина* ('не отвечает требованиям хорошего вкуса'), *?безвкусный человек* ('лишен хорошего вкуса'), - или требовать дифференцированного использования разных языковых средств для передачи разных смыслов: *Ему/У него не хватает власти*, но только: *У него не хватает двух зубов* (**Ему не хватает/недостает двух зубов*). Сравните также, с одной стороны: *В комнате нет телевизора* (**У комнаты нет телевизора*; *?Комната не имеет телевизора*, но: *Комната не имеет отдельного выхода*) и, с другой стороны: *У него (во рту) нет двух зубов* (**Рот не имеет двух зубов*).

Как иллюстрируют приведенные примеры, используемые языковые средства отличаются определенной избирательностью в отношении передачи отрицательных смыслов, связанных с той или иной предметной областью. Так, во всех случаях репрезентируется одна и та же концептуальная характеристика – 'отсутствие'. Однако в разных синтаксических конструкциях она связана с интерпретацией разных типов объектов. Разнородность объектов, в свою очередь, предполагает наличие разных типов связей между ними (разные типы принадлежности), которые и подвергаются интерпретации.

Следовательно, тип этих связей тоже служит неотъемлемой частью получаемого единого отрицательного смысла, что и подтверждается наличием отдельной синтаксической конструкции для передачи каждого из этих смыслов в языке. Интересно, что для передачи актуального для момента речи отрицания непостоянной связи или признака (отчуждаемой принадлежности) также используется отдельный вид рассматриваемых конструкций: *У него нет с собой денег*. Сравните необычность выражения: **У него (во рту) нет с собой двух зубов*, – в котором отрицание связано с интерпретацией постоянного в норме признака; или: *Он не взял/принес с собой зачетку*; **Он не взял/принес с собой брови*. Аналогично, например, в английском языке для передачи тех же смысловых различий используются разные конструкции: *There is no TV set in the room*; *He has two teeth missing (in his mouth)*; *He hasn't got money with him*; *He hasn't brought money with him*; Но: **There are no two teeth in his mouth*; *?The room has no TV set*; **The mouth hasn't got two teeth*; **He hasn't brought eyebrows with him*.

Формирование функционального отрицательного смысла на базе матричного концепта может осуществляться по принципу концептуальной интеграции. Это в большей степени характерно для процессов концептуальной деривации, ведущих к образованию отрицательных, оценочных по своей сути, смыслов. Их содержание в этом случае не сводится к простому суммированию той или иной характеристики концепта ОТРИЦАНИЕ и концепта из области определения, представленных отдельно лексической и грамматической семантикой, например, семантикой синтаксической конструкции и входящих в нее лексических единиц.

Сравним следующие предложения: *Ему недостает ума* (результат интеграции – единый оценочный смысл); **Ему недостает волос*

(интеграция оказывается невозможной из-за передачи объективной характеристики), и: ?*Ему недостает зубов*, - где она в принципе возможна в случае переносного, оценочного, субъективного понимания в смысле 'давать отпор'.

Это проявляется и на системном уровне преимущественно при словообразовании, например: *безголовый (невец) ≠ ОТСУТСТВИЕ + ГОЛОС*. В последнем случае можно предположить, что результатом интеграции становится формирование и репрезентация другой концептуальной характеристики: '**несоответствие** определенному профессиональному уровню'. Приведем еще несколько примеров: *бездушный, бессердечный, бесславный, отмороженный, отптый, разбросанный, раскрепощенный* и т.д.

Таким образом, когнитивная специфика языковой интерпретации обусловлена ее непосредственной зависимостью от основных познавательных процессов концептуализации и категоризации и заключается в различном взаимодействии коллективного и индивидуального, энциклопедического и языкового типов знания, интерпретирующего (модусного) и интерпретируемого концептов на системном и функциональном уровнях языковой репрезентации.

1. Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5-22.

2. Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Выпуск IV. Концептуализация мира в языке: коллектив. моногр. М.-Тамбов: Ин-т языкознания РАН / Издательский дом ТГУ им. Г.Р.Державина, 2009. С. 25-77.

3. Болдырев Н.Н. Концептуализация функции отрицания как основа формирования категории // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 1. С. 5-14.

4. Болдырев Н.Н. Роль интерпретирующей функции в

формировании языковых категорий // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Вып. I (93). 2011. С. 9-16.

5. Болдырев Н.Н., Магировская О.В. Языковая репрезентация основных уровней познания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 2. С. 7-16.

6. Демьянков В.З. Основы теории интерпретации и ее приложения в вычислительной лингвистике. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985.

7. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17-33.

8. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. С. 5-12.

9. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2000.

10. Магировская О.В. Репрезентация субъекта познания в языке. М.; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р.Державина, 2008.

11. Павилёнис Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983.

12. Ушаков Д.В. Когнитивная система и развитие // Когнитивные исследования: Проблема развития. Сборник научных трудов: Вып. 3. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2009. С. 5-14.

13. Fauconnier G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

14. Jackendoff R. Semantics and Cognition. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1995.

15. Talmy L. The Relation of Grammar to Cognition // Topics in Cognitive Linguistics. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 1988. P. 165-205.

Мақалада когнитивтік әрекет ретінде тілдік талдау түрлері мен функциялары қарастырылған. Талдаудың құрылымы мен ерекшелік сипаты тиісті концептілер мен категорияның құрылымы мен мазмұнын анықтайды, олар болымсыз категориясын талдау мысалында көрсетілген.

The article focuses on types and functions of linguistic interpretation as a cognitive activity. It is argued that the structure and specific features of interpretation determine the structure and content of the corresponding concepts and categories. This is illustrated by way of analysis of the category of negation.

О. Б. Алтынбекова

ЕНТ В КАЗАХСТАНЕ: ТЕСТЫ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ПЕРВОМУ И ВТОРОМУ

Как известно, с 1999 года вступительные экзамены в вузы Казахстана стали проводиться в форме комплексного тестирования абитуриентов (КТА), а с 2004 года – также и в форме единого национального тестирования (ЕНТ),

обеспечивающего совмещение итоговой аттестации обучающихся в организациях общего среднего образования и вступительных экзаменов в организации образования, дающие послесреднее и высшее образование. КТА, как